

За критический и беспристрастный конструктивизм. Еще раз о понятии «Глобальный Восток» применительно к Центральной Азии¹

Изабель Огайон

Историк, старший научный сотрудник Национального центра научных исследований (CNRS),
Центр изучения России, Кавказа, Восточной Европы и Центральной Азии (CERCEC)
CNRS, EHESS
Address: 54 boulevard Raspail 75006 Paris — France
E-mail: isabelle.ohayon@cnrs.fr

Жюльен Торез

Географ, старший научный сотрудник Национального центра научных исследований (CNRS),
Центр изучения иранского мира (CeRMI)
CNRS, INALCO, Sorbonne nouvelle, EPHE
Адрес: Бульвар Распай, 54, Париж, Франция, 75006
E-mail: julien.thorez@cnrs.fr

В данной статье обсуждается критика А. Чокобаевой и Н. Шелекпаева концепции «Глобального Востока» М. Мюллера, а также их предложение развивать «тактический эссенциализм национальных дискурсов», который они считают необходимым для проведения общественных научных исследований в Центральной Азии с целью их освобождения от российских интерпретаций прошлого и настоящего. В статье рассматриваются классификационные ограничения основных парадигм, включая понятие «Глобальный Восток», предназначенное для обозначения бывшего социалистического Востока. В ней последовательно развивается мысль, что данное понятие не учитывает тот факт, что в научном поле, которое оно призвано объединить, имеет место постколониальная конфигурация, порождающая различные взгляды.

Подчеркивается, что это понятие также игнорирует важнейший вопрос автономии научных исследований от политических действий. Наконец, в статье критикуется использование тактического эссенциализма в качестве ответа на данные вопросы. Продвижение эссенциализма, будь то тактического или стратегического, в исследованиях Центральной Азии, несмотря на похвальное стремление отделиться от имперских и неоимперских нарративов, может лишь усилить органические, эссенциалистские и националистические представления об идентичности и нации, которые уже господствуют в политических кругах и в общественном мнении. В связи с этим авторы выступают за методологический постулат критического и беспристрастного конструктивизма, который гарантирует автономию исследований Центральной Азии, насколько это возможно.

Ключевые слова: постколониальные исследования, эссенциализм, конструктивизм, автономия науки, постсоциализм, Центральная Азия, национализм, политика памяти, неоимпериализм, идентичность

В основе всякого исследования лежит производство знаний и концептов. Они рождаются в результате применения на практике научных подходов, выработанных в ходе острых дебатов, вписанных в разнообразные исторические контексты.

1. Статья поступила в редакцию журнала 09.10.2021 года.

Недавно высказанное Мартином Мюллером предложение перестать использовать понятие «постсоциализм» и отдать предпочтение понятию «Глобальный Восток» дало толчок для возникновения дискуссий в исследовательском поле, где используется этот теоретический инструментарий. Эти дискуссии затрагивают как описательную точность концепта, так и справедливость научного и политического проекта, который он подразумевает (Müller, 2018, 2019). Действительно, этот концепт призван не только определить место в современном мире стран, которые получили в XX веке социалистический опыт, но также дать ученым этих стран и посвященным им исследованиям инструмент, который позволит им наконец избавиться от своего маргинального статуса в мировом концерте социальных наук.

В «Социологическом обозрении» появился ответ на это предложение, составленный Нари Шелекпаевым и Аминат Чокобаевой (Шелекпаев, Чокобаева, 2020). Авторы рассмотрели обобщающие категории такого же порядка, — «Глобальный Север» и «Глобальный Юг» — и подробно остановились на концепте «Глобального Востока», подчеркнув, что он им кажется неприменимым для Центральной Азии. По существу, они критикуют понятие «Глобальный Восток», опираясь на анализ исследований, посвященных нынешним и прошлым обществам в Центральной Азии. Они отмечают различия и противоречия, которые существуют как в странах «Глобального Востока», так и в различных национальных историографиях, в особенности центральноазиатских и российской, из-за чего в конечном счете данный проект «Global East» может лишиться смысла.

Далее мы, со всей необходимой скромностью и осмотрительностью французских исследователей, понимающих, как мы далеки от политических факторов, академических игр и экономического давления, влияющих на работу исследователей из Центральной Азии, попытаемся предложить несколько комментариев и соображений по этой дискуссии.

Имеют ли обобщающие понятия эвристическую ценность?

Хорошо известно, что в глобальном мире общие категории «Глобальный Север» и «Глобальный Юг», служащие для обозначения уровня развития и траекторий по отношению к индустриальной и постиндустриальной современности, не являются в полной мере удовлетворительными. Они подходят для того, чтобы схематически охарактеризовать страны как социоэкономические национальные образования в противопоставление другим странам. Однако эти понятия, разработанные в послевоенные годы, имеют ряд недостатков. Во-первых, они отсылают ко многим сложным процессам, связанным с западной современностью, которые воспринимаются как универсальные, хотя таковыми не являются. Их негодность для классификаций наглядно иллюстрирует тот факт, что приходится прибегать к подкатегориям и использовать разнообразные показатели вроде Индекса человеческого развития (IDH), который ставит большинство бывших социалистических стран в положение, сопоставимое с положением стран Западной Европы, или

Коэффициента Джини, который измеряет неравенство доходов в каждой стране, или многочисленных индексов благополучия (Better life index и т.п.), которые регулярно предлагают нам ООН, ОЭСР, Всемирный банк и прочие организации.

Критерии, по которым центральноазиатские страны относят то к одному, то к другому крупному блоку, чрезвычайно разнообразны, поэтому неудивительно, что их место часто меняется (Solarz, 2012). В качестве советских республик Казахстан, а также Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан, то есть среднеазиатские страны, обычно помещались на «Севере» (Rapport Brandt, 1980), хотя в некоторых работах их называли «советским третьим миром» или подчеркивали ограниченность их развития (Maurel, 1982; Rumer, 1989). Получив независимость, они резко переместились на «Юг» из-за своего «постколониального» статуса и экономического кризиса 1990-х годов. При таком разделении, когда проводится граница между «Северами» и «Югами», между Россией и Казахстаном, то есть между бывшей метрополией и бывшими колониями, не учитывается экономическая география. Между тем по такому показателю, как ВВП на душу населения, в Центральной Азии главный экономический водораздел следует проводить не по северной государственной границе Казахстана, а по южной (Thorez, 2014).

В конечном счете эти категории представляют интерес не столько для классификации, сколько для анализа, поскольку они позволяют обновить наши подходы, используя постановки вопроса, выработанные в иных контекстах. Если просто констатировать, что Центральная Азия не подпадает ни под какую общую категорию и не соответствует никакой модели, это вряд ли обогатит научную дискуссию. Кроме того, мы рискуем укрепить или даже возродить экзотизирующие подходы к этому региону, использующие схему, которая кое-чем напоминает о перекосах ориентализирования. Между тем использование этих понятий позволит анализировать центральноазиатские общества в свете новой проблематики, что представляет реальный эвристический интерес. Как бы то ни было, именно на этом мы выстроили реализованный в 2000-е годы проект, посвященный современным траекториям Кавказа и Центральной Азии. В нем, сквозь призму понятия «Югов», мы изучали конструирование государства, связи с колониальным прошлым, практики развития и трудовую миграцию (Hohmann, Mouradian, Serrano, Thorez, 2014). Именно с этой точки зрения следует, при необходимости, понимать концепт «Глобального Востока».

Во-вторых, эти глобализирующие категории не передают тонких градаций анализа и неспособны описать реальное распределение позиций доминирования не только в экономическом поле, но и в поле знаний. В частности, они скрывают из вида сектора мондиализации, которые участвуют в «глобальной науке» и отвечают доминирующим академическим стандартам, вне зависимости от того, находятся ли в странах Юга или Востока. В интернационализированных академических учреждениях Центральной Азии, таких как Американский университет в Центральной Азии в Бишкеке или Назарбаев Университет в Астане, ученые, ведущие свои исследования в подобной международной среде, участвуют, как

и их коллеги с «Севера» и «Запада», в мондиализации стандартов работы, методов, схем мышления и академической риторики. Таким образом, они интегрируются в поле ареальных исследований, которое оформилось на Западе и постепенно извлекается от своего несколько маргинального положения. При этом даже когда центральноазиатские исследователи, работающие в этой среде, апеллируют к теориям и постулатам постколониальных исследований и значительно обогащают исследования, они способствуют определенной стандартизации науки.

За исследования, свободные от политической повестки дня

Вернемся к понятию «Глобальный Восток», которое предлагает Мартин Мюллер, чтобы избавиться от отсылки к социалистическому прошлому (Müller, 2018, 2019). Как нам кажется, оно тоже не слишком помогает понять то академическое поле, которое оно призвано описать, однако причины этого несколько отличаются от тех, которые приводят Н. Шелекпаев и А. Чокобаева. Прежде всего «Глобальный Восток» изначально был лишь западно-центристской проекцией, всегда отсылающей к биполярному разделению мира, произошедшему после Второй мировой войны. Кроме того, многие черты академического мира «Глобального Востока» в большой степени как раз продиктованы тем контролем, который политическая власть осуществляла над общественными науками в социалистический период.

Контроль государства над академической средой, влияние министерств и даже самих президентов на направления исследований — это те практики, которые в значительной степени опираются на учреждения и профессиональную культуру, унаследованные от недавнего прошлого. Мы можем наблюдать эти практики в странах, которые сегодня идут по весьма несхожим путям: Польша, Венгрия, Россия, Латвия, Литва, Азербайджан, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан и т. д. В этих странах государственная власть настойчиво диктует, как писать историю, порой принимает законы о том, что можно или нельзя говорить в академических учреждениях, а теперь еще и в публичном медиапространстве (Korosov, 2017). Для этого она использует различные инструменты — от финансирования проектов, эксплицитно отвечающих политическому запросу, до более непосредственных форм принуждения.

В частности, статус советского и социалистического прошлого определяется в законах о памяти (Grosescu, Neumayer, Pettai, 2020). Так, в России Конституция гласит, что Российская Федерация является правопреемником СССР (ст. 67.1 § 1), что государство « чтит память защитников Отечества », « обеспечивает защиту исторической правды » и т. д. А на Украине, наоборот, от этого прошлого отрещиваются посредством законов о « декоммунизации », которые были приняты весной 2015 года силами, пришедшими к власти в результате движения Евромайдан. Аналогичное положение сложилось в Польше, где закон от апреля 2015 года, вдохновленный законами, принимавшимися в ту пору на Украине, запрещает « пропаганду коммунизма или любой иной тоталитарной системы через названия публичных

зданий, структур и объектов» (Koposov, 2017). Недавно, в 2018 году, в Польше был принят новый закон, предусматривающий наказание до трех лет лишения свободы для «всякого, кто публично и вразрез с фактами возлагает на польскую нацию или государство полную или солидарную ответственность за преступления, совершенные Третьим рейхом, или иные преступления против человечества и мира или военные преступления». Эти законы, устанавливающие главенство политики над наукой, стали перекликающимися ответами в политической игре, в которую вовлечены страны Восточной Европы и большинство постсоветских стран (Grosescu, Neumayer, Pettai, 2020).

В Центральной Азии к законотворчеству прибегают реже, за исключением законов о реабилитации жертв репрессий, которые отличаются от законов о памяти тем, что не вводят цензуры в отношении истории. Продвигают исторический дискурс, отвечающий правительственному видению истории, в большей степени исследовательские учреждения, музеи-мемориалы (Музей памяти жертв репрессий в Ташкенте, Узбекистан (Abashin, 2012), Музейно-мемориальный комплекс «Алжир» рядом с Астаной или Музей Карлага / Музей памяти жертв политических репрессий поселка Долинка, Казахстан), публикации и образовательные программы. Как было показано во многих исследованиях (Абашин, 2007; Marat, 2007; Laguelle, 2017), доминирующая схема заключается в том, чтобы превозносить героев и славные эпизоды древней или досоветской истории, в которые вписываются такие ценности, как мужество, независимость и мощь, и клеймить позором советский период, в котором себе отводится роль жертвы. При таком телеологическом прочтении истории (отбираются события из прошлого, которые можно рассматривать как предвещавшие настоящее или оправдывающие его) прославляются национальные лидеры и независимость, которая подается как результат вековых чаяний нации, чья историчность и автохтонность не подвергаются сомнению. В Казахстане в конструировании официального восприятия прошлого важнейшую роль играет Институт истории государства. В Кыргызстане по случаю столетнего юбилея восстания 1916 года были проведены научные мероприятия, которые узаконили продиктованное государством толкование этого важнейшего события в современной истории региона.

Между тем наблюдаются проявления автономизации научного поля. Некоторые исследователи возвращаются к практикам, унаследованным от советской эпохи, и обходят официальный дискурс, используя различные аргументационные аппараты, позволяющие давать более нюансированные и сдержанные оценки великим событиям и великим персонажам, которых прославляют продиктованные властями нарративы. Идя по этому пути, некоторые коллеги бывают вынуждены прибегать к самоцензуре, чтобы не противоречить правительственной риторике. Наконец, другие исследователи более открыто практикуют критический подход к официальной истории, проводят ее анализ и деконструкцию, которые позволяют выявить ее логику и движущие силы, но также и ангажированность. Мы, в частности, имеем в виду проект, реализованный в Институте истории и этногра-

фии Казахстана Жулдузбеком Абылхожиным, о мифологизации казахской истории, который идет в русле, проложенном работами Ирины Ерофеевой (1953–2020) и Нурбулата Масанова (1954–2006).

При таком положении дел мы видим свою задачу в том, чтобы показать, что понятие «Глобальный Восток» оставляет в стороне вопрос об автономии научных исследований от политических тенденций, хотя именно он оказывается одним из важнейших, которые приходится решать академическому сообществу в этом регионе. Автономия науки, по сути, является ключевым условием для ее креативности, качества и в конечном счете ее общественной и политической пользы, например, применительно к пониманию общественных явлений, геополитических конфигураций, вопросов защиты окружающей среды или управления населением.

Мы осознаем, что находимся в положении, когда можем свободно высказывать эту точку зрения и в значительной мере реализовывать ее в своей работе, хотя в Западной Европе и, в частности, во Франции все настойчивее пытаются указывать путь науке. Но мы также знаем, что было бы крайне наивно полагать, будто политическое давление на производство и распространение научных знаний является уделом только «постсоциалистических» или «авторитарных» стран, где отныне социалистическое наследие сочетается с неолиберальным, хоть и национальным управлением исследованиями. К примеру, во Франции программа, изложенная в школьных учебниках, всегда во многом зависит от ориентации и чаяний государства. Так, в книгах, предназначенных для школьников, в интерпретациях Второй мировой войны зачастую минимизируются масштабы и значение военных действий на Востоке и роль СССР. Польша, которая с точки зрения соотношения числа жертв и общей численности населения заплатила самую тяжелую дань войне, часто исчезает с исторической карты; упоминается только о том, что на ее нынешней территории находились нацистские концлагеря. Роль СССР как важнейшего союзника в борьбе со странами Оси преуменьшается или даже игнорируется, при этом война представляется как противостояние «демократических и соблюдающих права человека» держав (США и Великобритания) и «тоталитарных» и «расистских» держав (Германия, Япония, Италия) — такая схема предложена в одном учебнике для 8-го класса.

За критический конструктивизм

Тот факт, что Н. Шелекпаев и А. Чокобаева отвергают понятие «Глобальный Восток», также обусловлен их стремлением популяризовать «тактический эссенциализм национальных нарративов», который они считают необходимым условием для существования в Центральной Азии исследований в социальных науках, свободных от прочтения прошлого и настоящего, которое пытается навязать Россия, бывшая метрополия. Обобщающий подход, который предлагает Мартин Мюллер, ведет к игнорированию глубоких расхождений, существующих между современными российской и центральноазиатской историографией, сводя их воедино, что-

бы противостоять затушевыванию Востока Севером и, во вторую очередь, Югом. Другими словами, Шелекпаев и Чокобаева отказываются от понятия «Глобальный Восток», потому что оно не учитывает тот факт, что научное поле, которое оно призвано объединить, в действительности разделено постколониальным фактором, питающим противоположные точки зрения.

В самом деле, господствующая в России историография склонна отрицать колониальный характер Империи и тем более Советского Союза, и дистанцируется от всякого интерпретационного аппарата, применяющегося в истории колониализма (Рейтблат, 2020; Gorshenina, 2021). В подобных условиях полного отрицания, которое выражается в явном замалчивании истории завоевания Туркестана, отсутствие равновесия в диалоге историографий вынуждает центральноазиатских исследователей делать ставку на воинствующие методологии.

В этом пункте мы согласны с Шелекпаевым и Чокобаевой и считаем необходимым увязать его с региональным политическим и геополитическим контекстом. При этом мы с осторожностью относимся к стратегии «тактического эссенциализма», которую развивают, чтобы доказать своеобразие каждого макрорегиона (Центральная Азия, Кавказ и пр.) или каждого государства (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и т. д.) «Глобального Востока», а также чтобы содействовать их эмансипации от постимперских сил в поле производства знаний. На самом деле, мы убеждены, что этот теоретический инструментарий может способствовать приданию легитимности в научных и политических дебатах тем взглядам, которые нам представляются проблематичными и даже опасными.

Концепция «стратегического эссенциализма», вдохновившая «тактический эссенциализм», была предложена Г. Спивак, чтобы поддержать политическую борьбу субалтернов (*subalterns*), т. е. подчиненных групп, подвергающихся дискриминации, вытесненных из поля зрения, на границы общества (маргинализация классовая, половая, расовая, а также территориальная и экологическая, и т. д.). Она была разработана как глубоко политический инструмент, а не научная категория, с полным осознанием искусственности индивидуальных или коллективных идентичностей. Мы не сомневаемся, что коллеги, которые примыкают к таким «стратегическим» и «тактическим» эссенциализмам, также рассматривают и идентичности. Между тем применительно к «Глобальному Востоку» нам представляется, что «эссенциализм», какое бы определение к нему ни прилагалось, прежде всего отсылает к концепциям идентичности, понимаемой как нечто непреложное и передающееся по крови, которые утвердились как в официальных дискурсах, так и в общественном сознании. Подобное присвоение — с одновременным искажением — базового понятия из кардинально иной концепции социальных конструкций, в лучшем случае может привести к путанице. В худшем — мы опасаемся, что эта парадигма постколониальных и субалтерных исследований в конечном счете укрепит националистские и натуралистские подходы к пониманию нации.

Между тем исследования прошлых и нынешних обществ Центральной Азии за последние десятилетия пополнились несколькими работами, в которых исполь-

зуется биологический подход к выстраиванию коллективных идентичностей, который, разумеется, стоит вдали от поля обобщающих исследований. Исследования в области физической антропологии, проводившиеся с 1970-х годов в Алма-Ате в Институте истории и этнологии О. Исмагуловым по вопросу этногенеза казахов (Исмагулов, 1982), были воспроизведены в первых же трудах по общей истории Казахстана после обретения независимости (Козыбаев, 1993) и подпитывали национальный миф. К ним вновь было привлечено пристальное внимание по случаю недавнего переиздания его труда «Происхождение казахского народа по данным физической антропологии» (Исмагулов, Исмагулова, 2017). Цель этих исследований заключается в том, чтобы биологически обосновать историчность и существование казахской нации; они дают понять (широкой общественности), что датировки общих морфологических и физиологических черт на определенном пространстве может быть достаточно для того, чтобы обосновать политическое конструирование общества. Этот тезис встречает искренний отклик в общественном мнении, тем более что он созвучен идеологии родства и патриархальным концепциям нации (и государства), а также подпитывается процветающими сегодня исследованиями по популяционной генетике. Амбициозные программы исследований, далеко отойдя от постмодернистских и постколониальных подходов, в Казахстане отныне следуют по этому пути. Различные институции продвигают программы генетических исследований, которые посвящены, например, достоверности *шежире* (родословные у казахов) с точки зрения генетических данных о родовых филиациях. Как бы строга ни была методология этих работ — и даже притом что мировые исследования по популяционной генетике вносят значительный вклад в понимание распространения человеческих групп — их институциональное место рядом с гуманитарными науками и непродуманность сближения двух этих областей напрямую ведут к их идеологической инструментализации. «Расиализация» этнической нации, идея о некоей изначальной чистоте, заложенная в эти концепции, продвигают органический и исключаящий инаковость взгляд на национальное сообщество и оставляют без внимания исторические условия его политического формирования. Подобная биологизация, вне всяких сомнений, является новым интеллектуальным конструктом, который рядится в одежды точных и естественных наук и опирается на их воображаемую объективность.

Эссенциализирующий подход к этническим идентичностям, крайний, но конкретный пример которого мы здесь приводим, сопряжен с опасностью «расиализации». Эссенциализация подтверждает и укрепляет национализм, который — в силу исторических социополитических процессов и сложных современных обстоятельств — мы можем наблюдать уже повсюду, как в государствах Центральной Азии, так и в России, где перемешаны и сосуществуют различные народы. Любой эссенциализм, в том числе стратегический, подразумевает разделение между теми, кто включен в некую определенную группу, и теми, кто исключен из нее. В таком случае, по нашему мнению, научное сообщество должно работать, наоборот, над «конструктивистским» пониманием идентичностей и, шире, над крити-

ческим подходом к категориям, вне зависимости от того, продиктованы ли они постколониальным ракурсом или нет (Бисенова, Медеуова, 2016).

На самом деле, сделать это позволяют многие концепты, позаимствованные у постколониальных исследований. Как и Шелекпаеву и Чокобаевой, нам кажется особенно плодотворным делать акцент на агентности акторов, их роли в конструировании политических форм, вырастающих из имперской колонизации и советизации, о чем писал покойный Анатолий Ремнев (Ремнев, 2011). Такие понятия, как «гибридность», отныне входят в инструментарий, использующийся в работах историков, которые пристально изучают условия формирования и функционирования колониальных и советских бюрократий в казахских степях и среди киргизов (Аманжолова, 2015; Султангадиева, 2015; Ууата, 2018; Балабиев, Турекулова, 2018; Akiyama, 2021). Избрать ракурс агентности — также значит изучать роль местных акторов в самых мрачных фазах недавней истории. Это должно позволить преодолеть парадигму виктимизации, чтобы понять, например, механизмы интериоризации сталинской политической культуры и ее возрождения в обновленном виде (см.: Gorlizki, Khlevniuk, 2020). Только такой беспристрастный, критический и конструктивистский подход, не важно, будет ли он считаться постколониальным или нет, позволит освободить исследования в области гуманитарных и социальных наук в Центральной Азии от гнета политической повестки дня, будь то в самой Центральной Азии, России или даже на Западе. Он сможет обрести силу и легитимность в поле продуцирования знаний на всех уровнях: местном, постсоветском и международном. Подобная строгость, даже если не распутает клубок отношений с политическими силами и финансирующими организациями, усилит позиции тех, кто отвергает политизированные и инструментализированные взгляды на прошлое и настоящее.

Литература

- Абашии С. Н. (2007). Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя.
- Аманжолова Д. (2015). Испытание властью: из истории формирования бюрократии Казахской АССР, 1920-е гг. // *Cahiers du monde russe*. Vol. 56. № 4. P. 753-791.
- Балабиев К., Турекулова Ж. (2018). Гибридность и когерентность правовых практик у казахов: суд аксакалов в системе правовых институтов и практик (вторая половина XIX — начало XX в.) // *Ab Imperio*. № 3. P. 187-218.
- Бисенова А., Медеуова К. (2016). Давление метрополий и тихий национализм в академических практиках // *Ab Imperio*. № 4. P. 207-255.
- Исмагулов О. (1982). Этническая антропология Казахстана (стоматологическое исследование). Алма-Ата.
- Исмагулов О., Исмагулова А. (2017). Происхождение казахского народа. По данным физической антропологии. Алматы.
- Рейтблат А. И. (2020). «Ориентализм» и русский ориентализм (Обзор книг по ориентализму в русских востоковедении и литературе) // *НЛО*. № 161. <https://>

- www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21990/
- Ремнев А. (2011). Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab Imperio*. № 1. P. 169-205.
- Султангалиева Г. (2015). Казахские чиновники Российской империи в XIX в.: особенности восприятия власти // *Cahiers du Monde russe*. Vol. 56. № 4. P. 651-679.
- Шелекпаев Н., Чокобаева А. (2020). Восток внутри «Востока»? Центральная Азия между «стратегическим эссенциализмом» глобальных символов и тактическим эссенциализмом национальных нарративов // *Социологическое обозрение*. . 19. № 3. С. 70-101.
- Abašin S. (2012). La désoviétisation dans la politique mémorielle de l'Ouzbékistan indépendant. Le musée de la mémoire des victimes des répressions // *Revue d'études comparatives Est-Ouest*. Vol. 43. № 1-2. P. 47-72.
- Akiyama T. (2021). *The Qırghız Baatır and the Russian Empire: A Portrait of a Local Intermediary in Russian Central Asia*. Leiden: Brill.
- Gorlizki Y., Khlevniuk O. (2020). *Substate dictatorship: networks, loyalty, and institutional change in the Soviet Union*. New Haven: Yale University Press.
- Gorshenina S. (2021). Orientalism, Postcolonial and Decolonial Frames on Central Asia: Theoretical Relevance and Applicability // *The European Handbook of Central Asia — History, Politics and Societies* / J. Van Den Bosch, A. Fauve, B. De Cordier (eds). Stuttgart . P. 175-244.
- Grosescu R., Neumayer L., Pettai E.-C. (eds) (2020). Transnational activism and the globalization of anti-communism after 1989 // *Revue d'études comparatives Est-Ouest*. № 2-3.
- Hohmann S., Mouradian C., Serrano S., Thorez J. (eds.) (2014) *Development in Central Asia and the Caucasus — Migration, Democratisation and Inequality in the Post-Soviet Era*. London — New York: I. B. Tauris.
- Independent Commission on International Development Issues (1980). *North-South, a programme for survival*. London: Pan Books.
- Koposov N. (2017). *Memory Laws, Memory Wars — The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kozybaev M. K. (ed.) (1993). *История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Очерк*. Алма-Ата: Дәуір.
- Laruelle M. (ed.) (2017). *Constructing the Uzbek State: Narratives of Post-Soviet Years*. Lanham: Lexington Books.
- Marat E. (2007). State-Propagated Narratives about a National Defender in Central Asian States // *Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. Vol. 6/7. <http://journals.openedition.org/inshs.bib.cnrs.fr/pipss/545>
- Maurel M.-C. (1982). *Territoire et stratégies soviétique*. Paris: Economica. <https://www.cairn.info/territoire-et-strategies-sovietiques--9782717805741.htm>
- Müller M. (2018). In search of the Global East: Thinking between North and South // *Geopolitics*. Vol. 25. № 3. P. 734-755.

- Müller M. (2019). Goodbye Post-socialism !// *Europe-Asia Studies*. Vol. 71. № 4. P. 533-550.
- Rumer B. Z. (1989). *Soviet Central Asia — A tragic experiment*. Boston: Unwin Hyman.
- Solarz M. W. (2012). North-South, Commemorating the First Brandt Report: searching for the contemporary spatial picture of the global rift// *Third World Quarterly*. Vol. 33. № 3. P. 559-569.
- Thorez J. (2014). The Post-Soviet space between North and South : Discontinuities, Disparities and Migrations// *Development in Central Asia and the Caucasus — Migration, Democratisation and Inequality in the Post-Soviet Era* / S. Hohmann, C. Mouradian, S. Serrano, J. Thorez (eds.). London — New York: I. B. Tauris. P. 215-241.
- Uyama T. (2018). Invitation, Adaptation, and Resistance to Empires: Cases of Central Asia// *Comparing Modern Empires: Imperial Rule and Decolonization in the Changing World Order* / T. Uyama (Ed.). Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center. P. 99-118.

For a critical and dispassionate constructivism: revisiting the concept of the 'Global East' in its relevance to Central Asia

Isabelle Ohayon

Historian, Associate Research Professor, French National Centre for Scientific Research (CNRS), Centre for the Study of Russia, Caucasus, Eastern Europe and Central Asia (CERCEC) at EHESS (School of Advanced Studies in the Social Sciences, Paris)

Address: 54 boulevard Raspail 75006 Paris, France

E-mail: isabelle.ohayon@cnrs.fr

Julien Thorez

Geographer, Associate Research Professor, French National Centre for Scientific Research (CNRS), Centre for Iranian Studies (CeRMI) in Paris

Address: UMR 8083, CNRS, INALCO, Sorbonne nouvelle, EPHE

E-mail: julien.thorez@cnrs.fr

This article discusses A. Chokobayeva and N. Shelekpayev's critique of Müller's concept of the 'Global East' to describe the former socialist East, as well as their proposal to adopt a 'tactical essentialism of national discourses', which they consider necessary for the production of social science research in Central Asia, liberated from Russian interpretations of the past and present. Consequently, the article discusses the limitations of major paradigms, including that of the "Global East". It argues that this term ignores the fact that the scholarly field it is supposed to unite is divided by a post-colonial configuration that fosters divergent views. Furthermore, it highlights that this notion also neglects the crucial issue of research autonomy from political affairs. Finally, the article critiques the use of tactical essentialism as a response to these issues. However, the promotion of essentialism — be it tactical or strategic — in Central Asian studies, despite its laudable ambition to move away from imperial and neo-imperial narratives, can exacerbate organic, essentialist and nationalist visions of identity and nation already prevalent in political powers and public opinion. Therefore, the authors argue for a methodological postulate of critical and dispassionate constructivism that guarantees as much autonomy as possible for research in and on Central Asia.

Key words: Postcolonial studies, essentialism, constructivism, autonomy of scientific research, postsocialism, Central Asia, nationalism, politics of memory, neoimperialism, identity

References

- Abashin S. N. (2007) *Nacionalizmy v Srednej Azii: v poiskah identichnosti* [Nationalisms in Central Asia: in Search of Identity], Saint Peterburg: Aleteya.
- Abašin S. (2012) La désoviétisation dans la politique mémorielle de l'Ouzbékistan indépendant. Le musée de la mémoire des victimes des répressions. *Revue d'études comparatives Est-Ouest*, vol. 43, no 1-2, pp. 47-72.
- Akiyama T. (2021) *The Qirghiz Baatir and the Russian Empire: A Portrait of a Local Intermediary in Russian Central Asia*, Leiden: Brill.
- Amangolova D. (2015) Ispytanie vlast'yu: iz istorii formirovaniya byurokratii Kazahskoj ASSR, 1920-e gg. [The test of power: from the history of the formation of the bureaucracy of the Kazakh ASSR, 1920s.]. *Cahiers du monde russe*, vol. 56, no 4, pp. 753-791.
- Balabiev K., Turekulova ZH. (2018) Gibridnost' i kogerentnost' pravovyh praktik u kazahov: sud aksakalov v sisteme pravovyh institutov i praktik (vtoraya polovina XIX — nachalo HKH v.) [Hybridity and coherence of legal practices among Kazakhs: the court of elders in the system of legal institutions and practices (the second half of the XIX — early XX century)]. *Ab Imperio*, no 3, pp. 187-218.
- Bisenova A., Medeuova K. (2016) Davlenie metropolij i tihij nacionalizm v akademicheskikh praktikah [Metropolitan pressure and quiet nationalism in academic practices]. *Ab Imperio*, no 4, pp. 207-255.
- Gorlizki Y., Khlevniuk O. (2020) *Substate dictatorship: networks, loyalty, and institutional change in the Soviet Union*, New Haven: Yale University Press.
- Gorshenina S. (2021) Orientalism, Postcolonial and Decolonial Frames on Central Asia: Theoretical Relevance and Applicability. *The European Handbook of Central Asia — History, Politics and Societies*. J. Van Den Bosch, A. Fauve, B. De Cordier (eds), Stuttgart, pp. 175-244.
- Grosecu R., Neumayer L., Pettai E.-C. (eds) (2020) Transnational activism and the globalization of anti-communism after 1989. *Revue d'études comparatives Est-Ouest*, no 2-3.
- Hohmann S., Mouradian C., Serrano S., Thorez J. (eds.) (2014) *Development in Central Asia and the Caucasus — Migration, Democratisation and Inequality in the Post-Soviet Era*, London — New York: I. B. Tauris.
- Independent Commission on International Development Issues (1980). *North-South, a programme for survival*, London: Pan Books.
- Ismagulov O. (1982) *Etnicheskaya antropologiya Kazahstana (stomatologicheskoe issledovanie)* [Etnicheskaya antropologiya Kazahstana (stomatologicheskoe issledovanie)], Alma-Ata
- Ismagulov O., Ismagulova A. (2017) *Proiskhozhdienie kazahskogo naroda. Po dannym fizicheskoy antropologii* [Origin of the Kazakh people. According to physical anthropology], Almaty
- Koposov N. (2017) *Memory Laws, Memory Wars — The Politics of the Past in Europe and Russia*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Kozybaev M. K. (ed.) (1993) *Istoriya Kazahstana s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Ocherk.* [The history of Kazakhstan from ancient times to the present day. Feature article], Alma-Ata: Däur.
- Laruelle M. (ed.) (2017) *Constructing the Uzbek State: Narratives of Post-Soviet Years*, Lanham: Lexington Books.
- Marat E. (2007) State-Propagated Narratives about a National Defender in Central Asian States. *Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*, vol. 6/7. <http://journals.openedition.org/inshs.bib.cnrs.fr/pipss/545>
- Maurel M.-C. (1982) *Territoire et stratégies soviétique*, Paris: Economica. <https://www.cairn.info/territoire-et-strategies-sovietiques--9782717805741.htm>
- Müller M. (2018) In search of the Global East: Thinking between North and South. *Geopolitics*, vol. 25, no 3, pp. 734-755.
- Müller M. (2019) Goodbye Post-socialism! *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no 4, pp. 533-550.

- Remnev A. (2011) Kolonial'nost', postkolonial'nost' i «istoricheskaya politika» v sovremennom Kazakhstane [Coloniality, postcoloniality and «historical politics» in modern Kazakhstan]. *Ab Imperio*, no 1, pp. 169-205.
- Reytblat A. I. (2020) «Orientalizm» i russkiy orientalizm (Obzor knig po oriyentalizmu v russkikh vostokovedenii i literature) [«Orientalism» and Russian Orientalism (Review of Books on Orientalism in Russian Oriental Studies and Literature)]. *NLO*, no 161. https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21990/
- Rumer B. Z. (1989) *Soviet Central Asia — A tragic experiment*, Boston: Unwin Hyman.
- Shelekpayev N., Chokobayeva A. (2020) Vostok vnutri «Vostoka»? Tsentral'naya Aziya mezhdou «strategicheskim essentsializmom» global'nykh simvolov i takticheskim essentsializmom natsional'nykh narrativov [An East within “the East”? Central Asia between the “Strategic Essentialism” of Global Symbols and a “Tactical Essentialism” of National Narratives] *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 70-101.
- Solarz M. W. (2012) North-South, Commemorating the First Brandt Report: searching for the contemporary spatial picture of the global rift. *Third World Quarterly*, vol. 33, no 3, pp. 559-569.
- Sultangaliyeva G. (2015) Kazakhskiyе chinovniki Rossiyskoy imperii v XIX v.: osobennosti vospriyatiya vlasti [Kazakh officials of the Russian Empire in the 19th century: features of the perception of power]. *Cahiers du Monde russe*, vol. 56, no 4, pp. 651-679.
- Thorez J. (2014) The Post-Soviet space between North and South : Discontinuities, Disparities and Migrations. *Development in Central Asia and the Caucasus — Migration, Democratisation and Inequality in the Post-Soviet Era*. S. Hohmann, C. Mouradian, S. Serrano, J. Thorez (eds.), London — New York: I. B. Tauris, pp. 215 — 241.
- Uyama T. (2018) Invitation, Adaptation, and Resistance to Empires: Cases of Central Asia. *Comparing Modern Empires: Imperial Rule and Decolonization in the Changing World Order*. T. Uyama (Ed.), Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, pp. 99-118.